

С МЕЧТОЙ, СЛОВАРЁМ И ОТВАГОЙ

Ключевые слова: советские военные переводчики, Танзания (Занзибар), Египет, Йемен

Воспоминания военных переводчиков представляет Олег Тетерин, первый заместитель главного редактора журнала «Азия и Африка сегодня».

Внимание читателей в этом и следующих номерах журнала предлагаются воспоминания людей, кому довелось работать в качестве военных переводчиков в разных частях света: в Танзании (включая островную часть страны - Занзибар), Египте, Мали, Афганистане и Анголе. Все они были молодые люди, как правило, студенты или только что закончившие курс обучения - выпускники московских вузов, изучавшие восточные и африканские языки.

Среди них был и я - студент V курса Института восточных языков (ИВЯ) при МГУ (с 1972 г. Институт стран Азии и Африки - ИСАА МГУ), неплохо знавший к тому времени суахили и английский.

«ВОЕННАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ» ПЕРЕВОДЧИКОВ

Все мы мечтали побывать в тех странах, которые изучали в вузах, окунуться с головой в языковую среду, познакомиться с местными традициями и обычаями. Зачастую работа военным пере-

водчиком была для нас единственной возможностью осуществить эту мечту.

Конечно, у наших военных были и свои, штатные переводчики, которых готовили в ВИЯКе (как тогда назывался Военный институт иностранных языков при Минобороны СССР). Но масштабы сотрудничества Советского Союза со странами «третьего мира», в т.ч. и в военной сфере, все время росли, своих переводчиков со знанием редких языков (каковым и был суахили - первый из множества африканских языков, преподавание которого в СССР началось в ИВЯ при МГУ еще в 1960 г.) Министерству обороны не хватало. И военные стали приглашать на работу и нас...

Помню, с каким волнением я собирался в свою первую командировку - на Занзибар. Шел июнь 1965 г. С моим однокашником Володей Овчинниковым мы пересекли полмира. Летели двое суток - сначала на «ИЛ-18» до Каира (тогда - крайняя точка прямых рейсов «Аэрофлота» в этот регион Африки), затем на реактивном «Дугласе-9» до Хартума (Судан) и Аддис-Абебы (Эфиопия), а от-

туда в Найроби (Кения), сначала на винтовом «Фоккере», а потом на винтовой же «Чессне» через Арушу с Тангой (Танзания). Наконец, приземлились на аэродроме крошечного острова в Индийском океане, этой «пуговице на Земном шаре», по меткому выражению Юры Устименко, первого корреспондента ТАСС на Занзибаре (1964-1966). Остров встретил нас удушающей влажной жарой.

Я служил почти год в военном лагере Чуквани, что в 10-12 километрах от столицы Занзибара - города с таким же названием. Первая группа советских военных специалистов прибыла на Занзибар еще в апреле 1964 г. - через два месяца после революции, происшедшей 12 января того же года и свергнувшей султан-

В декабре 1965 г. президент Занзибара и высшие военачальники инспектировали работу советских военных специалистов в лагере Чуквани.

На фото - 1-й ряд: президент Занзибара А.А.Каруме (пятый справа), рядом с ним - начальник группы В.М.Григорьев, сзади него - переводчик В.Овчинников; 2-й ряд: слева от центра - автор (белая рубашка, темные очки).

Занзибарские командиры и советские военспецы на плацу лагеря Чуквани. Автор - справа от фоторепортера (светлые брюки, рубашка навывпуск).

ский режим в стране, бывшей до этого в течение десятилетий британским протекторатом. Они приехали сюда по приглашению Революционного совета тогда же провозглашенной Народной Республики Занзибара и Пембы.

У моих коллег и товарищей - военных переводчиков впоследствии сложились непохожие судьбы. Но было и нечто общее - мы гордились своей миссией, своей Родиной. Не раз убеждались в том, что люди в разных странах с надеждой смотрят на Советский Союз, который в случае необходимости всегда поможет и протянет руку помощи. Мы искренне верили, что участвуем в большом и нужном деле.

Жизнь военного переводчика синекурой не назовешь. Работа по 10-12 часов в сутки в тропической жаре, нередко без выходных. Письменные переводы - до рези в глазах, устные - до хрипоты в горле. А еще прибавьте к этому возможность заболеть малярией или холерой... На Занзибаре мне часто попадались больные неизлечимыми проказой и «слоновой» болезнью: у таких людей - опухшие одна или обе ноги, а ступни - как у слона! Потому болезнь и получила такое название. Добавьте к этому спартанские бытовые условия, очень часто «перекус на ходу», времени катастрофически не хватало...

Справедливости ради, надо сказать: переносить все эти невзгоды помогал «экономический

стимул»: по тем временам нам зарплату за рубежом платили приличную (конечно, меньше, чем офицерам), я бы даже сказал - большую, хотя сейчас такие деньги кажутся смешными.

Кстати, о деньгах. Вскоре по возвращении домой я готовился к поступлению в аспирантуру родного ИВЯ. И вдруг меня вызвали в ректорат, и сам ректор, без обиняков, заявил: «На Занзибаре вы занимались барахольством!» Я опешил: мой багаж, привезенный из Занзибара, состоял, в основном, из словарей, книг и увесистых подшивок местных газет - материалов для будущей диссертации. Были кое-какая одежда и, конечно, подарки: родителям, друзьям, невесте Оксане (мы вместе уже более 45 лет, внуков воспитываем). Обвинение по тем временам нешуточное - мне грозило исключение из института.

Потом, окольными путями, удалось выяснить, что в основе нелепых обвинений лежал донос. С его автором я был знаком, иногда встречаюсь с ним и сейчас, но вида не подаю, что знаю о «подметном письме». Хотя всякий раз после встреч испытываю чувство гадливости...

Вернусь к собственно переводческой работе. Все мы были хорошо подготовлены - низкий поклон за это нашим преподавателям. Языку суахили нас учили Наталья Вениаминовна Охотина (скончалась в 1999 году, светлая ей память) и Нелли Владимировна Громова - ныне заведующая кафедрой африканистики в ИСАА. Только-только вышел первый «Суахили-русский словарь», тиражом, сейчас в это трудно поверить, - 6000 экземп-

ляров! А Нина Григорьевна Федорова, которая и сейчас преподает в ИСАА, как раз в те годы начинала работать над первым учебником суахили для вузов.

Вместе с сокурсниками я занимался суахили с удовольствием, и все мы - скажу без ложной скромности - добились успехов. Помню, как президент Танзании Джулиус Ньерере, сам великолепный знаток суахили, переводивший на этот язык творения Шекспира, услышав перевод моего однокашника Саши Довженко, сказал ему: «Немногие в Танзании так хорошо знают суахили, как вы!».

В ИВЯ мы изучали диалект суахили - «*Kiunguja*» (от слова «*Unguja*», что в переводе означает «Занзибар»), на котором говорят на этом острове. Англичане называли этот диалект «королевским стандартом суахили» (*King Standard of Swahili*). По моему произношению танзанийцы, жители континентальной части страны, где много позднее мне доводилось работать*, безошибочно определяли: «Ты - выходец из Занзибара». И удивлялись, что я начинал учить язык в Москве. «Носителем языка» у нас в институте был, правда, совсем недолго, Хассан, студент одного из столичных медицинских вузов, племянник свергнутого в январе 1964 г. занзибарского султана. Но все равно языковой разговорной практики нам явно не хватало.

Когда я приехал на Занзибар, с удивлением узнал, что слово «*kifaru*» - это не только «носорог», но и «танк» (удачное сравнение, не правда ли!). А улей - «*mzinga*» - означает еще и «пушку»: что между ними общего? Оказывается, пчелиные ульи в Танзании и во многих других странах Африки устраивают не на земле, как у нас, в России, а прикрепляют веревками к ветвям в кронах деревьев. И представляют они из себя не наши «домики», а выдолбленные изнутри крупные поленья гладкоствольных деревьев, в том числе кокосовых пальм. А какой главный элемент у пушки? Правильно, ствол! Вот и улей - «*mzinga*» - стал «пушкой»...

В лагере Чуквани я имел дело в основном с военно-техническим

* В 1978-1982 гг. - заведующий Бюро Агентства печати «Новости» (АПН) в Танзании.

переводом. Наши офицеры показывали и рассказывали, естественно, по-русски (а я переводил на суахили), как устроены орудия-зенитки, пулеметы, гранаты, минометы. Пришлось также освоить и переводить, иногда «с листа», сборку-разборку автомата Калашникова, устройство карбюратора, других деталей и агрегатов в наших «ГАЗ-69»...

Проводились и учебные стрельбы. Сам я стрелял неплохо, во время учебы на военной кафедре ИВЯ занимал призовые места на университетских стрелковых соревнованиях. Помню, перевел занзибарским солдатам-новобранцам, которые английский не знали, что такое «мушка» и «прорезь» и что целиться надо «под яблочко». «Что такое “яблочко”?» - спрашивали они меня. «Фрукт такой - яблоко, яблочко», - говорю, и нарисовал на доске, - «вот под него и целиться». А мне в ответ: «На Занзибаре такие фрукты не растут». Ну что прикажешь делать! Пришлось им запоминать, повторяя за мной нараспев по-русски - «*yab-loch-ko*».

Или вот еще. На учениях отрабатываем, как ползти по-пластунски. Перевести «с ходу» этот термин мне никак не удавалось. И придумал: опрошу-ка с десятком солдат и сержантов, покажу на собственном примере каждому из них в отдельности, как это делается. И ползал по каменистой земле Чуквани, где ободрал не одну пару брюк и истрепал немало обуви. «Поняли?» - спрашиваю. - «А как сказать на суахили?» И у каждого был свой вариант ответа! Я надеялся хотя бы на два совпадения, но, увы...

«А кто такой «пластун», *ndugu* (товарищ) Олег?» - спрашивали солдаты. «Это умелый и бесстрашный воин, разведчик, мастер маскировки, снайпер» - «О! И мы такими же хотим быть, - загалдели солдаты. - *Ndugu* Олег, покажи-ка нам еще раз, как это - “по-пластунски” ползать»...

Рассказываю об этом столь подробно лишь потому, что переведенный мною на суахили (по заданию начальника нашей группы военных специалистов на Занзибаре полковника Виктора Михайловича Григорьева) «Полевой устав Советской Армии» - «*Katiba ya Jeshi la Nchi Kavu*» («Устав сухопутных войск») так и остался без «ползти по-пластунски».

...Идем в атаку. Я бегу в первой шеренге, рядом, чуть впереди - мой командир, майор Борис Николаевич Линёв, а сзади сержанты и лейтенанты - занзибарцы, за ними - солдаты. И вдруг вокруг засвистели пули. Это солдаты второго эшелона, сидевшие в окопах, начинают без удержу палить во все стороны. А патроны-то - боевые! «Ложись!» - кричит Линёв. Я тоже кричу: «*Lala chini!*».

Все попадали на землю - слава Богу, обошлось. Вернувшись к окопам, спрашиваю у капрала: «Кто отдал приказ открыть огонь?» Тот отвечает важно: «Я приказал». «*Mbuzi wee!*» - говорю ему в сердцах: это такое принятое на Занзибаре выражение в определенных случаях, точная копия нашего - «Ну ты и козёл!» (На суахили «*mbuzi*» - это «коза»)¹.

Я мог бы привести еще немало разных случаев - веселых и печальных, поучительных и комических. Но, прежде чем отослать читателей к воспоминаниям моих коллег и товарищей, хотел бы упомянуть тех, кто не вернулся из своих командировок. У многих советских военных переводчиков, где бы они ни находились в «горячих» точках за рубежом, смертельных опасностей было немало - то обстрел самолета ракетами с земли, то пулеметная очередь из засады, то взрыв бомбы террориста.

В ИСАА в центральной холле установлена мемориальная доска с фотографиями шестерых студентов - военных переводчиков, погибших в боях в Афганистане в 1980-1989 гг. Светлая им память! А рядом - большой список тех, кто был награжден в те же годы боевыми орденами и медалями за отвагу, проявленную в боевых действиях.

ВСЕ ДЕНЬ БЫЛ РАСПИСАН ПО МИНУТАМ

О своей работе военным переводчиком в Египте рассказывает выпускник Института международных отношений (сейчас МГИМО (У) МИД России) Анатолий Иванов.

К работе военным переводчиком с выученным в МГИМО английским языком я приступил в конце августа 1960 г. (тогда мне было 26 лет) по линии так называемой «десятки» - 10-го Главного

управления Генерального штаба Министерства обороны.

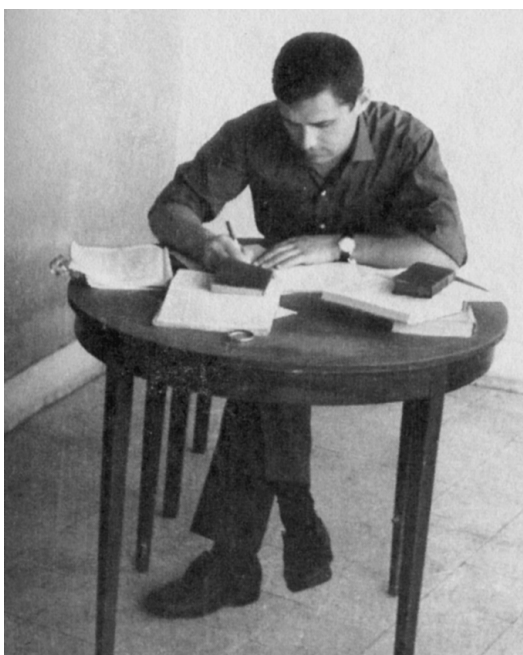
Первое мое назначение - в колледж (училище) связи в Каире. Кроме перевода лекций и обсуждений разного рода организационных вопросов с руководством училища, нужно было переводить рекомендации наших военных советников - 16 машинописных страниц ежедневно. При этом подполковник, старший группы военных переводчиков, заявил, что будет периодически проверять качество нашей работы.

Первые месяцы дались очень тяжело. Приходилось работать в буквальном смысле на износ. Объем письменного перевода, как я узнал позднее, вдвое превосходил обычные нормы для переводчиков. Кроме того, приходилось готовить ежедневный обзор местной прессы для наших специалистов.

Вздохнул с облегчением, когда меня перевели в «авиационную группу». Осенью 1961-го, когда я был в отпуске, в Москве нам сообщили, что будем работать бортпереводчиками на бомбардировщиках «Ту-16». Наша эскадрилья в составе 12 самолетов «Ту-16» вылетела из Белой церкви 6 ноября 1961 г. и взяла курс на Каир. Спокойно пролетели Венгрию и Югославию. А в Греции - то ли случайно, то ли намеренно - прошли точно над американской военно-воздушной базой под Афинами. Сразу рядом появилось несколько истребителей, которые еще долго преследовали нас, требуя посадки.

Наконец, мы увидели африканское побережье, дельту Нила, пустыню Сахара и очертания Александрии. Приземлились на военно-воздушную базу Каиро-Вест (Cairo-West). Встречали нас торжественно. С египетской стороны - вице-президент Анвар Садат, заместитель главкома ВС Египта маршал Абдель Хаким Амер, начальник Генштаба генерал Махаммед Фавзи, другие высокопоставленные военные. После церемонии передачи самолетов Египту А.Садат преподнес всему летному составу подарки: отрезы на костюмы, рубашки и фаянсовые вазы.

Я начал работу в подгруппе, обслуживающей летно-технический состав бомбардировочной и военно-транспортной авиации. Достаточно долго был единственным переводчиком у 12 наших

А.Н.Иванов за переводом. Гостиница, Каир.

специалистов, занимавшихся обучением египетского персонала на базе Каиро-Вест.

Рабочее время было расписано буквально по минутам. Переводчиков хронически не хватало. Состав подгрупп определялся объемом и сложностью поставляемого Советским Союзом оружия и военной техники, а также нашей способностью обучить необходимое число местных военнослужащих.

Советско-египетские отношения в тот период развивались, в целом, по восходящей линии. При помощи наших специалистов сооружалась ставшая знаменитой Асуанская плотина, металлургический комбинат в Хелуане, алюминиевый завод в Наг-Хаммади, судостроительный завод в Александрии, в целом - более 100 объектов.

Отношение в армии к нам, советским людям, было неоднозначным. Имелась значительная прослойка не только генералов и офицеров, но даже солдат и капитанов, почти открыто выражавших свое недовольство присутствием советских военных специалистов, хотя и не отрицавших их положительной роли в повышении боеспособности египетской армии. Некоторые офицеры время от времени позволяли себе ехидные выпады против нашего присутствия, граничащие с провокациями. Гораздо дружелюб-

нее относились к нам египтяне-копты (христиане), работавшие авиатехниками, - они открыто демонстрировали нам свою симпатию и дружеское расположение.

Откуда и почему эти косые взгляды, да и пако-сти исподтишка? В Египте с благословения высшего руководства ежегодно проводились антисоветские «месячники», специально приуроченные к первому майским праздникам и Дню Победы. Думаю, тут, кроме двуличной политики Каира, во многом сыграло роль и наше отношение к религии.

«Кто вы по вероисповеданию? Христиане?» - нередко спрашивали нас.

На этот вопрос мы, советские специалисты, неизменно отвечали: «Мы - атеисты». Надо было видеть реакцию египтян: они были в шоке! Как это так - отвергать Всевышнего?! Значит, для этого человека ничего святого не существует? Какое к нему может быть отношение? Вопрос о том, что немало этих людей, называвших себя «правверными», могли без зазрения совести по сходной цене продать доступные им государственные секреты тому, кто за них заплатит, остается за скобкой. В то же время за всеми нашими специалистами, и переводчиками тоже, местные спецслужбы вели скрытый и тщательный надзор.

Работать с военным начальством было нелегко, особенно сложно - с высшими чинами. Об этом хорошо знаю - последние два года (1963-1964) работал в штабах ВВС и ПВО Египта. Большинство рекомендаций наших советников по тем или иным вопросам боевой подготовки и военного строительства активно обсуждались и принимались, но когда дело доходило до их реализации, почему-то все застопоривалось.

Так, наши специалисты говорили: перекрасьте самолеты в желто-песчаный цвет - он совпадает с цветом пустыни. И всякий раз слышали в ответ: не станем это делать - от солнца краска быстро выгорит, и зря только время и деньги потратим... Наши военные настаивали на создании ложных позиций для самолетов и

других мер безопасности. С ними соглашались, но египтяне палец о палец не ударили, чтобы следовать этим советам. По моим наблюдениям, в египетской армии той поры царили беспечность и безответственность.

Пренебрежение элементарной маскировкой дорого обошлось египтянам во время «шестидневной войны» с Израилем в 1967 г. В первые же часы израильская авиация уничтожила на аэродромах 270 и в воздушных боях 60 египетских самолетов, вывела из строя 9 аэродромов, несколько зенитно-ракетных комплексов. Всего было уничтожено 309 из 420 египетских самолетов, в т.ч. 4 эскадрильи бомбардировщиков «Ту-16» и «Ил-28». Советские потери составили 35 человек - наши граждане погибли во время налетов израильтян на военные объекты Египта и Сирии.

На авиабазе Каиро-Вест я проработал более полугода. В связи с увеличением численного состава наших советников при штабах ВВС и ПВО Египта меня перевели в Гелиополис. Вскоре в Каир прилетели первые 6 поставленных Египту наших военно-транспортных самолетов «Ан-12». Они как нельзя лучше подходили для условий Египта - всепогодные, обладали большой дальностью полета, высокой скоростью и неприхотливостью в обслуживании.

«Ан-12» сыграли огромную роль в обслуживании организованного по просьбе египтян «авиамоста» из Каира в Сану и Ходейду (Йемен) для оказания помощи республиканцам, свергнувшим в ночь с 26 на 27 сентября 1962 г. монархический режим в Йемене. После переворота напряжение в этой стране нарастало с каждым днем, пока не вылилось в кровопролитную гражданскую войну, продолжавшуюся много лет. Оказывая военную помощь Йемену, Каир преследовал свои цели, главная из которых - усиление геополитического влияния Египта в арабском мире.

Но вернусь к своей работе. «Авиамост» был открыт 28 сентября, на следующий день после переворота в Йемене. Полеты обеспечивались нашей авиацией, с базы рядом с Каиром. В целях маскировки «борты» взлетали с наступлением сумерек, и в Асуане глубокой ночью делали промежуточную посадку. Бортпереводчиков, обслуживавших «мост»,

набралось всего лишь несколько человек. Брали только холостых и только добровольцев, в т.ч. меня. Полеты были сопряжены с большим риском.

Так, уже в первом полете нам пришлось садиться в Асуане в крошечной темноте, и это - при полной загрузке самолета. Там ожидал и другой сюрприз. Оказалось, что при строительстве аэродрома египтяне сохранили в начале полосы довольно высокую скалу. Сообщили нам об этом буквально в последнюю минуту. При «слепой» посадке скала представляла собой очень серьезную опасность, но, к счастью, все обошлось благодаря мастерству наших пилотов.

Египетские войска численностью более 60 тыс., с танками и боевыми самолетами находились в Йемене более 5 лет. Египтяне не выполнили многих взятых на себя обязательств. Так, они не преуспели в создании регулярной национальной армии. Более того, чуть ли не с первых дней своего пребывания в этой стране египетские военнослужащие повели себя как оккупанты, попирая местные обычаи и традиции.

Кстати, в поражении Египта в «шестидневной войне» немалую роль сыграло то, что значительная часть наиболее боеспособного, имеющего опыт ведения боевых действий воинского контингента оказалась не на израильском фронте, а в Йемене. В 1967 г. Египту пришлось вывести из Йемена свои войска.

К окончанию срока командировки у меня насчитывалось более 150 вылетов - свыше 1200 часов в воздухе. Наше руководство представило меня к двум боевым орденам «Красной Звезды». Но когда я вернулся в Москву, вручили только один орден. Оказывается, награждать боевыми орденами советских граждан в мирное время чаще, чем один раз в 3 года, не разрешалось. Значит, рискуй жизнью «строго по расписанию», а чаще - «не моги»...

Пережито было немало... Помню мои полеты с экипажем майора Николая Константиновича Калтыгина. Вида он был колоритного: двухметровый богатырь, красавец, весельчак и балагур. Летчик, что называется, от Бога, и экипаж был под стать командиру. С этим экипажем я пережил и первую свою аварию. Вот как было дело.

Садимся в Асуане ночью, полоса не освещена. Та самая скала в самом начале полосы срезала как ножом уже выпущенные задние шасси. Удар был такой силы, что по фюзеляжу побежали трещины. Летчик все же не дал «просесть» самолету и удержал его в воздухе. Когда выяснилось, что мы не падаем, стал вопрос: что делать?

Нечего было и думать, чтобы садиться при полных баках и без шасси. При посадке на фюзеляж 43 бочки авиационного керосина на борту (для обратного рейса) могли сдетонировать и взорваться. Командир принял решение: он один останется за штурвалом, а экипаж, обвязавшись канатами, начиная топорами рубить днище самолета, чтобы выбросить из него все, что мешает открытию аппарелей, а потом выбросить за борт весь груз. В первую очередь, бочки с керосином.

В целях защиты от перепада давления на высоте они не были закупорены. Когда мы начали, было, кантовать их, керосин стал выплескиваться - возникла опасность пожара. Тогда устлали пол грузового отсека одеялами и перетаскивали бочки с величайшей осторожностью. Когда первую, наконец, столкнули вниз, - все застыли в оцепенении. Вместо того чтобы падать вниз, она вдруг стала переворачиваться и подниматься вверх - еще чуть-чуть, и заденет хвостовое оперение самолета! К счастью, перекутившись так несколько раз, бочка полетела вниз, и вскоре среди скал раздался оглушительный взрыв. Взялись за следующую - и так, пока не выкинули все бочки.

К Каиру подлетели еще затемно. Стали описывать круги над аэродромом на высоте метров 150, чтобы полностью выработать горючее во избежание взрыва самолета при посадке. Только через час, когда полностью исчерпали его запас, диспетчер «выкроил» окно для приземления.

И всё же самолет от соприкосновения с полосой сразу загорелся. Фюзеляж снаружи был в огне, отвалилась часть хвостового оперения. Командир жестами приказал мне прыгать. Высота около пяти метров, снаружи кабину уже лижет пламя. Раздумывать некогда. Прикрываю веки, чтобы их не обжег огонь, и прыгаю вниз головой. Как ни странно, совершив кульбит, приземляюсь на ноги и

из всех сил бегу прочь от самолета. Калтыгин прыгал последним - слава Богу, все остались целы и невредимы.

Другой случай был более трагичен и произошел он не в воздухе, а на земле.

Как-то вызвал меня к себе старший группы военных специалистов ВВС и ПВО генерал-лейтенант Петр Иванович Неделин (брат Главного маршала артиллерии Митрофана Ивановича Неделина, погибшего на космодроме в Байконуре в сентябре 1960 г. в ходе испытания новых ракетных систем). Он только что приехал в Каир и еще входил в курс дела. Приказал: к ближайшему воскресенью заказать микроавтобус для поездки в Исмаилию. «Хочу в Суэцком канале искупаться», - заявил он.

Я попытался объяснить ему, что такая поездка несвоевременна и, более того, опасна. Только-только закончился визит Хрущева в Египет - было лето 1964 г. Враждебные нам силы организовали вскоре после отъезда лидера СССР очередной антисоветский «месячник». В этих условиях появление на дороге одиночной автомашины с советскими военными - прямое нарушение инструкции по безопасности, и поездка не может состояться без согласования с генерал-лейтенантом А.С.Пожарским, начальником Группы советских военных специалистов в Египте.

Генерал Неделин советов, а тем паче возражений, со стороны подчиненных, как видно, не терпел. Он наорал на меня и в грубой форме дал понять: «яйца курицу не учат». Вдобавок выяснилось, что генерал - заядлый кино- и фотолюбитель, и ему уже достали японскую кинокамеру...

Желающих поехать (некоторые - вместе с детьми) набралось 11 человек. Микроавтобус «Фольксваген» вмещал 16. И я посоветовал нашему бессменному шоферу Мухаммеду, возившему нас уже третий год, взять с собой жену (она, как выяснилось, была на сносях) и двух малолетних детей.

Ремней безопасности в то время еще не существовало. Движение на дорогах Египта - сущий ад, правил движения никто не соблюдает. Но наш Мухаммед был опытным водителем, и я всегда чувствовал себя в поездках с ним в безопасности.

На месте аварии нашего микроавтобуса.

Из Гелиополиса в Исмаилию вели две дороги. Одна - гражданская, вдоль которой нескончаемо тянулись торговые точки. Вторая - военная, закрытая для гражданского транспорта. Проложенная по пустыне, она казалась безопасной, почему я и сказал Мохаммеду свернуть на нее.

Мы благополучно доехали до Исмаилии, искупались в Суэцком канале, но генерал был недоволен. Он хотел по дороге запечатлеть на пленке какие-то жанровые сценки, но, кроме пустыни, ничего не увидел. Посмотрел на меня волком, хотя и промолчал. На обратном пути он приказал следовать по гражданской дороге.

Напрасно я пытался убедить его не делать этого, ссылаясь на приказ Главного советника, строгойше запрещавшего советским людям во время враждебных нам акций пользоваться этим маршрутом. Генерал громогласно объявил мне выговор, сказал, что как старший по званию берет всю ответственность на себя.

Движение было интенсивным. Я заметил, что следовавший за нами грузовик приблизился к нам вплотную, и попросил Мухаммеда прижаться к кювету. Но водитель грузовика упорно не хотел идти на обгон. Так мы и ехали какое-то время, как вдруг из-за поворота на огромной скорости нам навстречу, по нашей полосе,

вылетел нагруженный арматурой грузовик. Единственное, что успел сделать Мухаммед, и это спасло большинству из нас жизнь, резко бросил микроавтобус в кювет. Но водитель встречного грузовика на полной скорости все-таки врезался в угол нашего автобуса. Удар был такой силы, что в микроавтобусе сорвало все сидения с пассажирами и бросило вперед. В салоне образовалась большая «куча мала». Все были без сознания...

Я первым пришел в себя, увидел вокруг толпу народа. Никто не спешил оказать помощь, хотя мы истекали кровью и почти у всех были переломы. Стоявшие рядом египтяне объяснили, что до приезда полиции им запрещено оказывать какую-либо помощь иностранцам.

Через полчаса рядом с нами остановился автобус с сотрудниками нашего посольства, которые возвращались в Каир из Исмаилии. Авария произошла в 8 километрах от военно-воздушной базы Абу-Суэйра, где, как я уже знал, находился госпиталь ВВС. Туда мы и отправились, погрузив моих коллег в посольский автобус. Но был выходной день, и ни одного врача в госпитале не оказалось! Пришлось ехать в Исмаилию - а это еще 12 километров - в окружной госпиталь. Но и там никого - все уехали на выходные в Каир. Оказавшись в безвыходном положении, здесь же, в госпитале, я потребовал соединить меня по телефону с вице-президентом Анваром Садатом, кури-

ровавшим армию. Сообщил ему о случившемся и попросил организовать срочную помощь.

И только после его личного приказа, примерно часов через 12 нас доставили в госпиталь. К тому времени Мухаммед, его беременная жена и двое малолетних детей, а также 12-летний сынник одного из наших офицеров скончались, не приходя в сознание. Генерал получил двойной перелом бедра и перелом правой руки. Я же отделался легче других: получил травму головы, сотрясение мозга и контузию.

Дня через три ко мне в палату госпиталя привезли на каталке генерала. Он помолчал и сказал: «Прости меня, браток. Я-то думал, что ты, гражданский, перестраховываешься. Спасибо за все, что сделал для нашего спасения». Через несколько дней специальным санитарным рейсом генерала увезли в Москву. Между прочим, это был боевой генерал, который воевал еще в Испании, был летчиком-добровольцем.

Позже я узнал, что в Москве его досрочно отправили в отставку. Больше я с ним не встречался. А отец погибшего мальчика - Игорь Сутягин всякий раз при встрече со мной начинал рыдать. Он никак не мог простить себе, что промолчал при моей перепалке с генералом, соблюдая субординацию. Хотя прекрасно знал, что поездка будет опасной...²

* * *

По возвращении из Египта А.Н.Иванов в 1964-1965 гг. работал ст. референтом в иностранном отделе Президиума АН СССР, а затем перешел в Институт Африки. В настоящее время - ст.н.с. Центра научной информации и международных связей ИАФР РАН. Автор ряда публикаций.

(Продолжение следует)

¹ Подробнее см.: Тетерин О.И. На Занзибаре, немного о себе и других // В Египте и на Занзибаре (1960-1966). Мемуары советских военных переводчиков. М., 2011, с. 102-198.

² Подробнее см.: Иванов А.Н. В Египте // Там же, с. 4-101.